

Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры.

к.ф.н. Малахова Е.В.
Университет машиностроения,
elena_malahova@bk.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой краткий обзор возможностей применения структурно-семиотического метода для исследования современной молодежной субкультуры. В статье показано, каким образом применение указанного метода позволяет интерпретировать эмпирический материал и осуществить «перевод» с языка субкультуры на язык основной, базовой культуры.

Ключевые слова: молодежная субкультура, структурализм, семиотика, структура, символ

Изучение такого феномена, как молодежная субкультура неизбежно требует междисциплинарного подхода – с одной стороны, работа с фактическим материалом подразумевает социологические и этнографические исследования, с другой стороны, осмысление результатов полевой работы требует серьезного теоретического аппарата, дать который могут именно философские дисциплины.

Исследуя молодежную субкультуру с позиций философской эстетики, мы столкнулись с проблемой поиска метода, который одновременно позволил бы плодотворно работать с эмпирическим материалом и дал возможность для философского анализа.

Согласно нашей гипотезе, всем этим требованиям удовлетворяет структурно-семиотический метод. Рассмотрению его особенностей и возможностей в сфере изучения современной молодежной субкультуры мы и посвящаем данную статью.

Одно из емких определений структурализма дал Ролан Барт: «...Структурализм принципиально выступает как деятельность... Целью любой структуралистской деятельности ... является воссоздание “объекта” таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружись правила функционирования ... этого объекта. Таким образом, структура – это, в сущности, отображение предмета, но отображение направленное, заинтересованное, поскольку модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, неинтеллектуальным, в самом моделируемом предмете... Модель – это интеллект, приплюсованный к предмету, и такой добавок имеет антропологическую значимость в том смысле, что он оказывается самим человеком, его историей, его ситуацией, его свободой и даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму» [1, с. 255].

Стараясь выявить структуру молодежной субкультуры, создавая эту интеллектуальную модель, мы стремимся понять, что же из себя представляет субкультура, как она «работает», то есть возникает, развивается и видоизменяется.

Проблема метода изучения субкультур вообще и молодежной субкультуры в частности до сих пор занимает многих исследователей.

Вопрос о методе поднимает, в частности, М.М. Соколов в своей весьма интересной статье «Как писать этнографию молодёжной субкультуры» [9]. Он разбирает основные подходы к изучению молодёжной субкультуры, анализируя их достоинства и недостатки. Сам исследователь, по-видимому, находит удовлетворительной достаточно общую модель, предложенную американским антропологом Клиффордом Гирцем в работе «Интерпретации культуры». Гирц считал задачей ученого наблюдение за поведением представителей иной культуры, с тем, чтобы обнаружить ту символическую систему, которой они пользуются, планируя свои действия. Культура (или субкультура), наблюдаемая этнографом, – это текст, который должен быть прочтён. Однако, помимо прочтения очень важны также «перевод» и интерпретация полученных в наблюдении материалов. Тогда процесс исследования, пишет Соколов, – это не что иное, как «коммуникация между носителями культуры и теми, кто что-то узнает о ней из отчетов антрополога. Эта коммуникация осуществляется через исследователя, играющего роль посредника. Роль посредника состоит в том, чтобы конвертировать тек-

сты, принадлежащие изучаемому сообществу, в тексты, понятные его собственному» [9]. Затем автор статьи добавляет ещё один важный пункт, который напрямую касается выбора подходящего метода. Он пишет, что «любое описание символической системы неизбежно опирается на некоторую модель этой системы» [9].

Пристальное внимание Соколов уделяет также описанию «полевых» исследований, методик сбора данных о конкретной культуре или субкультуре. Привлекая работы зарубежных исследователей, он развенчивает некоторые распространённые иллюзии о работе этнографов и социологов. Методы, от которых давно отказались специалисты, до сих пор в представлении многих прочно связаны с этнографическими исследованиями. Одной из таких иллюзий является попытка обнаружить в субкультуре некий определённый «кодекс», регламентирующий поведение её носителей. Ранее подобная модель, действительно, лежала в основе работы исследователей, но со временем показала свою несостоятельность. Как справедливо отмечает Соколов, «субкультуру нельзя свести ни к какому конечному списку норм, и тематальные структуры, в которых она запечатлена, позволяют действовать правильно – в соответствии с духом сообщества – в бесконечном множестве заранее не регламентированных ситуаций. Обычно структуры такого рода описываются термином «грамматика», поскольку они, как правила, регулирующие речевое поведение, позволяют знающему их строить бесконечное множество правильных предложений» [Там же].

Отказ от этой исследовательской доктрины помог преодолеть ещё одно расхожее заблуждение, а именно: стремление в ходе бесед напрямую выяснить у представителей субкультуры, каковы правила поведения в ней. Описанная модель кодекса, как выяснилось, существовала в сознании исследователей, но никак не их информантов. В сознании представителей изучаемых субкультур просто нет какого-то строго определённого набора норм. Бессмысленно брать интервью у панков или готов и просить их рассказать о «правилах поведения» в своей субкультуре. В лучшем случае вы получите набор самых общих представлений, которые к тому же никак не будут структурированы и мало помогут в вашей работе.

Кроме того, авторы, проводящие опросы или берущие интервью, иногда впадают в две следующие крайности.

Первые, используя более поверхностный подход, опрашивают всех подвернувшихся, не делая скидку на «статус» этих людей в субкультуре. В ходе опросов в выборку чаще всего попадают именно слабо осведомленные «пионеры» субкультуры – по причине своей относительной многочисленности и заметности, так как они уделяют атрибутике повышенное внимание. Такой опрос может дать не вполне верные, а то и вовсе комичные результаты. Тем более, надо иметь в виду, что и сами неформалы не слишком жалуют тех, кто их изучает. И, наконец, молодежная субкультура вообще не имеет ни четкой идеологии, ни строгого «кодекса» поведения.

Но возможна и иная ситуация. Иногда ученый, всерьез увлеченный своим предметом, начинает очень тщательно отбирать своих информантов среди «ветеранов», авторитетных лиц и «вдохновителей» течения. Такие люди, как правило, хорошо образованы, знают о своей субкультуре практически все и могут много и интересно о ней говорить. Иногда из работ этих исследователей складывается впечатление, что субкультура состоит целиком из подобных личностей. На самом же деле это только ее ядро, лучшая, но, к сожалению, не самая многочисленная часть.

Как следует из наиболее успешных работ, посвященных данному предмету, а также из личного опыта автора, изучение молодежной субкультуры неизбежно должно основываться на полевых исследованиях. Причем под ними понимаются не анкетирования и опросы, а полное погружение в изучаемую среду, которое может занять не один год. Для того, чтобы понять суть взаимоотношений в субкультуре, ее дух и ценности, нужно проделать весь путь, который проходят ее представители, – от новичка до «старожила». Есть примеры, когда этот путь ученый проходил намеренно, уже имея в виду некую исследовательскую программу, как это сделала Т.Б. Щепанская.

Есть и примеры другого пути – когда человек, давно погруженный в субкультуру, получив академическое образование, посвящает себя научной работе и избирает своим предметом то, что он хорошо знает изнутри и хочет осмыслить с внешней, принципиально иной позиции. Именно так описывает свой опыт Д. Брилл в предисловии к своей книге о готической субкультуре [12, с. 9-10].

Субкультуру необходимо наблюдать не только извне, но и изнутри в течение долгого времени, чтобы увидеть, что же в ней находят ее представители. К ним самим следует обращаться за интерпретацией её отдельных знаковых объектов, как настоятельно рекомендует этнограф Т.Б. Щепанская. Она отмечает, что «при переходе групповой границы происходит перекодирование символа» [10, с. 21], поэтому не годятся объяснения, полученные от внешних наблюдателей, а также те, которые были искусственно спровоцированы исследователем в ситуации опроса. Рассматривая ту или иную интерпретацию любого знака, необходимо учитывать статус интерпретатора в субкультуре и конкретную ситуацию использования данного знака. Всё это требует весьма длительных наблюдений, а часто даже вхождения самого исследователя в изучаемую субкультуру, так как он должен быть знаком с подходами личностей разной степени вовлечённости в неё – от поверхностной до максимальной. Реконструировать коммуникативные каналы субкультуры – целиком и полностью задача исследователя.

Наличие в молодежной субкультуре большого количества различных знаков не вызывает сомнений и заметно даже при беглом взгляде на нее. Более того, именно знаковая составляющая позволяет отделить субкультуру от всех остальных феноменов.

Структурно-семиотический метод позволяет понять, что представляют собой знаки молодежной субкультуры, как они возникают и каким образом формируются связи, превращающие субкультуру в систему значений, которая успешно функционирует и воспроизводится во времени.

Что отличает более поздние работы ученых по данной теме, так это использование структурализма именно как метода, без придания структуре онтологического статуса, что и было одним из пунктов в критике структурализма.

Необходимо помнить, что исследователь всегда стремится к объективности, к тому, чтобы найти реально существующие структуры изучаемой им культуры или субкультуры, иначе его работа теряет смысл. И даже осознание того, что найденная структура никогда не сможет целиком и полностью отобразить наблюдаемую реальность и будет многократно перестроена, не умаляет этого стремления. Ведь, как писал Умберто Эко, «структура – это то, чего ещё нет. Если она есть..., то я владею только каким-то звеном цепи, которое мне указывает на то, что за ним стоят структуры более элементарные, более фундаментальные... Я притормаживаю исследование в том месте, которого я достиг, считая полученные структурные модели инструментами, вполне пригодными для описания этих явлений» [11, с. 416].

В качестве примера различных подходов к тому, что вообще есть структура, можно привести работы Клода Леви-Стросса и Ролана Барта.

Для Леви-Стросса и других приверженцев классического структурализма структурные уровни – это «уровни действительности» [3, с. 252]. Они надеялись найти всеобщие структуры, «универсальные законы» [Там же, с. 63], к которым можно было бы свести все проявления жизни различных обществ на разных исторических этапах. Согласно Леви-Строссу, «структуры одного и того же типа могут встречаться на совершенно различных временных и пространственных уровнях» [Там же, с. 258], поэтому он изучает мифы американских индейцев наравне с мифом об Эдипе во всех его возможных интерпретациях, стремясь выявить общие структуры связи между элементами. Сами по себе элементы его не интересуют, так как смысл мифа определяется только способом их комбинации.

В отличие от Леви-Стросса, Барт, используя методы структурализма, не стремится открыть некие общезначимые законы. Он ни в коей мере не пытается онтологизировать структуру, используя данный метод исключительно для анализа реалий двадцатого века. Более того, он сомневается, существует ли предмет его изучения где-либо ещё, кроме современных

обществ с капиталистическим способом производства.

Мы, со своей стороны, предлагаем рассматривать культуру как коммуникативную систему и, следуя за Клодом Леви-Стросом, принимаем допущение о структурном сходстве языка и культуры.

Молодёжную субкультуру можно изучать как знаковое поле, а знак, как известно, отражает связь означаемого с означающим. И лишь означающие являются в действительности чувственно воспринимаемыми. Для того, чтобы сделать таковыми означаемые, необходимо использовать или построить язык иного порядка. Сказанное относится в первую очередь к языкам, где в качестве означаемых выступают сложные ментальные конструкции – некие концепты, идеи или мифологемы. К языкам подобного рода, видимо, принадлежит и молодёжная субкультура.

Для объяснения явлений молодежной субкультуры мы с неизбежностью должны строить схемы, хотя и понимаем, что нельзя уложить в это прокрустово ложе все то многообразие, которое представляет собой как современная молодежная субкультура в целом, так и отдельно взятые для изучения частные субкультуры. Тем не менее, руководствуясь соображениями объективности, мы избрали метод, который позволил бы понять развитие субкультуры исходя из ее собственной логики. Только так, мы считаем, возможно уяснить происхождение современной молодежной субкультуры и ее место в более обширном культурном контексте.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
2. Левикова С.И. Молодёжная субкультура. М., 2004.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство—СПБ», 2001.
5. Мясникова А.С. Социально-философский анализ феномена контркультуры. М., 2008.
6. Омельченко Е.Л. Молодёжные культуры и субкультуры. М., 2000.
7. Рахимова М.В. Концепт популярной культуры в современной англо-американской культурфилософии: философско-эстетический аспект. М, 2009.
8. Слюсаревский Н.Н. Субкультура как объект исследования // <http://www.countries.ru/library/typology/subkultura.htm>
9. Соколов М.М. Как писать этнографию молодёжной субкультуры (<http://subculture.narod.ru/texts/unpublished/sokolov.htm>)
10. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
12. Brill D. Subversion or Stereotype? The Gothic Subculture as a Case Study of Gendered Identities and Representations. Giessen, 2006.

Музеевизация общества и ее причины

д.ф.н. проф. Пырин А.Г.
Университет машиностроения
8-499-267-16-40

Аннотация. Статья посвящена проблемам музея. В ней анализируются причины данных проблем. Первая причина – музеи переходят на рыночные отношения. Вторая причина – сокращается момент настоящего времени. Третья причина – утрата основ жизненного опыта.

Ключевые слова: музей, рынок, момент настоящего времени, утрата основ жизненного опыта

В музеи помещают или артефакты, которые давно вышли из обихода, или природные вещи, представляющие эксклюзивную ценность. К музейным экспонатам относят, как правило, предметы примерно 70-летней или более давности. Обществу необходима охрана па-